

Дискурсивные репрезентации (капиталистических) итогов «китайского экономического чуда»*

Ирина Троцук

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник,
Центр аграрных исследований, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Профессор кафедры социологии, Российский университет дружбы народов
Адрес: пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва, Российская Федерация 119571
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Вряд ли какое-либо иное государство привлекает сегодня больше внимания мировой общественности, чем Китай: ведутся бесконечные споры о его геополитическом статусе, социально-экономическом потенциале, демографических проблемах, экологических угрозах, политическом устройстве и т. д. Однако научный (и научно-популярный) дискурс сосредоточен на поиске ответа на вопрос, какой тип социальной системы сформировался в Китае с точки зрения классической дилеммы «капитализм-социализм», и здесь не наблюдается единства номинаций применительно к прошлому или к новейшей истории. В статье предпринята попытка обозначить варианты дискурсивной репрезентации «китайского экономического чуда», реконструировав их на основе трех показательных в этом смысле работ, переведенных на русский язык в последние годы: Чжан Юя «Опыт китайских экономических реформ и их теоретическая значимость», Линь Ифу «Демистификация китайской экономики» и Рональда Коуза и Нина Вана «Как Китай стал капиталистическим». В статье приведены основные аргументы каждой книги: хотя три интерпретации «китайского экономического чуда» различаются в том числе степенью политизированной восторженности и оптимизма, они созвучны в том, что рекомендуют развивающимся странам заимствовать китайский опыт реформирования и игнорируют ряд его серьезнейших проблем. Три рассматриваемые книги, по сути, репрезентируют три дискурса о «китайском экономическом чуде»: 1) идеологически-политизированный сценарий строительства особого варианта социализма «сверху», 2) экономически фундированный прогноз создания капиталистической экономики одновременно «сверху» и «снизу», 3) констатацию завершившегося перехода к капитализму преимущественно благодаря давлению «снизу» и вопреки запретам и антикапиталистической риторике «сверху». Такие противоречивые дискурсивные модели будут интересны читателю, который помнит споры об особенностях «российского капитализма» в 1990–2000-е годы, и социологам «классического типа» — исследующим исторические изменения для понимания нынешних социальных трансформаций.

Ключевые слова: Китай, китайское экономическое чудо, капитализм, социализм, модель развития, дискурс, дискурсивная репрезентация

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР государственного задания РАНХиГС на тему «Агрохолдинги и сельские территории: модели взаимодействия крупного агробизнеса с муниципальной властью и сельскими сообществами».

Время с тех пор, как экономика рванула вверх, казалось, шло в Китае с нереальной скоростью, новое быстро делалось старым, старое погружалось в забвение.

(Ли Июнь, 2018: 11–12)

В начале XX века думали «только капитализм может спасти Китай», после прихода коммунистов к власти — «только социализм может спасти Китай», с распадом Советского Союза и крушением коммунизма в Восточной Европе — «только Китай может спасти социализм», а в последнее время, особенно после мирового финансового кризиса 2008 года, — «только Китай может спасти капитализм».

(Гордон, 2015: 5)

В последние годы метафора «экономическое чудо» стала устойчивым обозначением итогов нескольких десятилетий бурного социально-экономического развития китайского общества. Однако схожее единодушие не наблюдается в объяснениях причин подобного «чуда», и вряд ли можно разделить его исследователей даже на условных сторонников и противников реализуемой Китаем модели развития. Во-первых, она не статична и неоднократно подвергалась серьезным идеологическим и практическим трансформациям; во-вторых, сегодня просто невозможно серьезное обсуждение достоинств и недостатков капитализма и социализма как совершенно противоположных и несовместимых альтернатив.

К сожалению пытающихся обнаружить в новейшей истории Китая некую линейную модель и к радости исследователей изменчивых реалий в научной и публицистической литературе отсутствует единый объяснительный рефрен относительно «китайского экономического чуда». Впрочем, таковой сложно обнаружить и в описаниях отдаленного прошлого Китая, хотя в своем обобщающем труде «Великое расхождение» К. Померанц (2017) систематизировал разные исторические нарративы и с привлечением огромного эмпирического материала предложил собственное объяснение, почему Китай был крупнейшей экономикой мира на протяжении двух тысячелетий до середины XIX века (см., напр.: Maddison, 2001), но, в отличие от Европы, не смог обойти «соперников»: оказался на пороге промышленной революции раньше, чем Европа, но так и не смог его перешагнуть (сюда же относится «проблема Джозефа Нидэма» (см., напр.: Needham, 1981)).

В своей монументальной работе Померанц объясняет неожиданное и скоротечное (с позиций исторического времени) «великое расхождение» траекторий социально-экономического развития Китая и Европы не промышленной революцией, а сложившимся в Западной Европе комплексом факторов: решение экологических проблем благодаря использованию угля и торговле с другими континентами; достижения науки, изобретения и скорость их распространения; истощение производительных земель под давлением роста численности населения; особые институциональные условия (защита прав собственности и исполнение дого-

ворных обязательств обеспечили развитие эффективных рынков товаров, факторов производства, земли и капитала); успешная заморская колонизация и т. д. Померанц отрицает европоцентристскую версию истории, объясняющую экономический прорыв Европы ее якобы уникальными чертами, и обосновывает сопоставимость целого ряда европейских и китайских социально-экономических показателей в XVIII веке (обеспеченность сельскохозяйственными животными, набор сельскохозяйственных культур, размеры транспортного капитала и городов, продолжительность жизни, уровень смертности и т. д.). «Ни Китай, ни Западная Европа не могли похвастаться хорошо отлаженным неоклассическим рынком труда... но Китай, вероятно, был ближе к данной модели» (Померанц, 2017: 165), например, у крестьян было больше возможностей для коммерческого развития ремесел, чем в Англии. В Китае и Европе наблюдалась «схожесть условий, подходящих для зарождения новых типов предприятий, которые обычно рассматриваются как капиталистические... но появились они — и капитализм в более общем смысле — лишь в Европе» (Там же: 288). Долгое время Европа и Китай синхронно двигались в направлении протопромышленного тупика, испытывали схожие энергетические, экологические проблемы и истощение региональных ресурсов, но Западная Европа смогла вырваться из тупика благодаря эксплуатации Нового Света и сложному сочетанию изменений, которое предотвратило усугубление экологических проблем в Европе и отсутствовало в Китае.

По сути, книга Померанца подводит итог многолетних дискуссий о датировке и причинах «великого расхождения» Китая и Европы, но аналогичной работы по «китайскому экономическому чуду» пока нет — как по объективным причинам (незавершенность исторического этапа), так и по субъективным (множество конкурирующих интерпретаций и идеологизированных подборок эмпирических данных). Кроме того, многие работы о «китайском экономическом чуде» не следуют призыву Померанца отказаться от «изображений черно-белыми красками целых обществ, основанных на том или ином способе хозяйствования... ни одно из сравниваемых обществ не может рассматриваться в качестве нормы, по отношению к которой другое общество представляется отклонением» (Там же: 13, 25).

Не претендуя на экспертное суждение в области оценок «китайского экономического чуда», попробуем все же выделить основные его дискурсивные репрезентации, опираясь на несколько показательных в этом смысле работ, переведенных на русский язык в последние годы. Говоря о дискурсивных репрезентациях, следует сослаться на Д. Макклоски, считающую экономическую науку принципиально «литературной», а «факты, логику, историю и метафоры — риторической тетрадой»: «Мы не способны мыслить, не думая о том, как вещи близки друг другу... мы не можем думать об экономике только с помощью математики и логики, не используя метафор и историй» (Макклоски, 2015: xv). Приводя определение риторики У. Бута — «тщательное взвешивание более-менее веских оснований для более-менее вероятных или убедительных выводов — не слишком безоговорочное, но более удачное, чем то, к чему мы пришли бы случайно или под воздействием

бездумных импульсов; искусство находить допустимые убеждения и совершенствовать их в совместном дискурсе», Макклоски утверждает, что ученым хочется считать свою речь свободной от риторики, хотя она — форма и суть как несостоятельной, так и удачной аргументации. Ученые всегда пытаются убедить, а потому не могут не использовать средства риторики, что превращает экономическую науку в разновидность «герменевтического круга»: «Чтобы понимать детали, нужно знать содержание дискуссии в целом, а детали необходимы для понимания дискуссии» (Макклоски, 2015: 2, 10).

Итак, первая работа — книга **Чжан Юя «Опыт китайских экономических реформ и их теоретическая значимость»** (2017), заявленная в лаконичной аннотации как обобщение опыта китайских экономических реформ доктором экономических наук и профессором Китайского народного университета. Книга написана в нехарактерном для российской академической традиции (и даже научно-публицистического жанра) стиле (рубленные фразы, политизированные констатации, отсутствие определений ключевых понятий) и формате (нет введения, заключения и библиографии, постраничные сноски немногочисленны, в основном ссылаются на вторичные источники без указания страниц). Содержательно значительную ее часть составляют оценочные суждения, которые можно использовать как оптимистичные лозунги на соответствующих мероприятиях, и в качестве их обоснования, как правило, приводятся цитаты из речей и работ политических лидеров Китая.

Книга Чжан Юя состоит из семи глав, посвященных якобы поиску ответа на вопрос, как «правильно обобщить практический опыт политики реформ и открытости, построить систему экономической науки и научного дискурса с учетом китайской специфики и укрепить самосознание китайской экономической науки?», но на самом деле скорее убеждению читателя в правильности авторской интерпретации китайских экономических реформ. Читателя вряд ли введет в заблуждение заявление автора, что речь идет о научном обобщении, поскольку «революционные достижения и успехи» в области государственного строительства и развития «социализма с китайской спецификой» приведены в оценках руководителей государства на пленумах ЦК КПК. Основные идеи автора повторяются во всех главах, хотя несколько меняются их аргументация и подтверждающие исторические факты и набор цитат, поэтому нет смысла реконструировать содержание книги по главам — обозначим лишь ключевые положения авторской интерпретации причин успешности китайской модели реформирования и их теоретического значения.

В начале книги Чжан Юй уточняет свое исследовательское кредо: «теория — отражение практики¹. Экономическая наука современного Китая тесно связана

1. В качестве подтверждения приводятся цитаты из выступления Си Цзиньпина на 23-й коллективной учебе Политбюро ЦК КПК в ноябре 2015 года: «Практика — это источник теории. Экономика Китая бурно развивается, ее достижения привлекают внимание всего мира, она несет в себе огромный потенциал для теоретического творчества. Необходимо глубоко исследовать новые условия и но-

с практикой строительства социалистической экономики с китайской спецификой. С одной стороны, она отражает историю и практические требования экономического развития и политики реформ и открытости, а с другой стороны, обеспечивает их теоретическую поддержку, стимулируя дальнейшее практическое развитие» (Чжан Юй, 2017: 3–4). Приводя цитаты из сочинений Мао Цзэдуна, автор ставит перед учеными Китая задачу разработать новую экономическую теорию и помочь стране построить собственный путь к социализму, учитывая ошибки СССР и иначе сочетая марксизм-ленинизм (политэкономия) с реалиями Китая. В книге перечислены принципы построения социализма, озвученные Мао Цзэдуном: координированное развитие сельского хозяйства (основа) и промышленности (ведущая сила), единое планирование и всесторонний учет, развитие центра и периферии, реализация инициатив на местах, ликвидация социальной поляризации и достижение всеобщего процветания, введение закона стоимости как полезного инструмента, техническая революция и научная модернизация, опора на собственные силы и поддержка извне.

Тридцать лет спустя результатом «стремительного прогресса политической экономии с китайской спецификой стало формирование целостной теоретической системы» — итога китаизации и модернизации марксистской политэкономии, основные задачи которой автор суммирует так (Там же: 6): освобождение и развитие производительных сил, искоренение эксплуатации и всеобщее благосостояние; развитие всех секторов экономики при доминировании общественной собственности; сочетание социалистического строя и рыночной экономики; многообразные методы распределения с приоритетом принципа распределения по труду; эффективность и справедливость; участие в экономической глобализации и сохранение независимости; развитие на основе интересов народа, инноваций, координации, открытости и совместного использования достижений; интеграция принципов индустриализации, информатизации, урбанизации и аграрной модернизации с китайской спецификой. Все перечисленные задачи и способы их решения в разных сочетаниях многократно повторяются и уточняются в следующих главах книги.

В изучении китайской экономики Чжан Юй выделяет несколько уровней: исследования принятых мер (реформ) он считает полезными, но поверхностными в том смысле, что они далеки от фундаментальной теории; анализ экономических теорий (социалистическая плановая и рыночная экономика, подходы к реформам, статус государственного сектора, третья промышленная революция и пр.) кажется ему абстрактным, но важным для понимания законов развития экономики и разработки экономической политики. Основную проблему он видит в том, что экономическая наука Китая — «незрелая: собственные фундаментальные теории слабы, заимствуются и копируются экономические теории Запада, которые далеки от китайской реальности. Исследования и научные инновации экономической

вые проблемы, с которыми столкнулись мировая экономика и национальная экономика Китая, необходимо привнести китайскую мудрость в новое развитие марксистской политэкономии» (Там же: 5).

теории по-прежнему значительно отстают от практики и требований времени. В определенном смысле это нормально... Пока система социалистической рыночной экономики не сформировалась, а социалистические модернизации не завершились, невозможно разработать совершенную теорию» — нужно «поддерживать и развивать марксистскую политэкономия, китаизировать и модернизировать ее» (Там же: 9).

Опору на марксизм автор обосновывает тем, что это наука (!), «инновационное развитие которой можно стимулировать на базе практической реализации политики реформ и открытости», поскольку пока существуют капиталистический строй и связь между трудом и капиталом, основные принципы марксизма не устареют. «Если мы не будем применять наставления и принципы марксистской политэкономии в качестве теоретической основы, мы не сможем достичь научного понимания законов движения современных капиталистических и социалистических экономик, одержать победу в деле строительства социалистической экономики с китайской спецификой и создать политэкономия социализма с китайской спецификой» (Там же: 13). Чжан Юй предлагает опираться на марксизм как теорию будущей социалистической экономики (замена частной собственности на государственную, достижение всеобщего благосостояния и пр.), не игнорируя и не упрощая взгляды классиков марксизма, но расширяя и корректируя их согласно действительности (например, утверждение об отсутствии товарно-денежных отношений при социализме), «непрерывно стимулируя китаизацию марксистской экономической науки» (дополняя и обогащая принципы научного социализма китайской спецификой), адаптируя теорию к современным условиям и «стимулируя модернизацию марксистской экономической науки» (Там же: 15).

Подобная терминология странно выглядит в работе, претендующей на теоретико-научный характер, но автор неоднократно подчеркивает, что его приоритетная задача — показать превосходство социалистического строя на примере китайской политики реформ и открытости как снимающей противоречие между производительными силами (движущая сила прогресса) и социалистическими ценностями (идеал упорных поисков и борьбы). По мнению Чжан Юя, высокие темпы экономического роста в Китае породили такие «капиталистические явления», как социальная поляризация, коррупция и эгоизм (!), поэтому необходимо задать четкие критерии развития производительных сил и их взаимодействия с производственными отношениями. Обобщая исторический опыт социалистического строя, он считает необходимым объединить развитие производственных сил и социалистических ценностей для искоренения эксплуатации и поляризации и достижения всеобщего благосостояния. Он уверен, что Китай движется в этом направлении, поскольку уже пережил успешное развитие социалистической экономики, избыточный акцент на развитии производительных сил или на ценностных приоритетах социализма и коммунизма, игнорирование развития производительных сил ради сохранения социалистического пути и уничтожения

проявлений капитализма и, наконец, фокус на развитии производительных сил и игнорирование социалистических ценностей.

По мнению Чжан Юя, эти четыре состояния доказали необходимость корректного заимствования Китаем экономических теорий Запада и урегулирования взаимоотношений марксистской и буржуазной политэкономий, потому что вторая в определенной степени рациональна и полезна: отражает особенности рыночной экономики и распределения ресурсов, долго исследовала экономические законы, сочетая разные методы (статистические, экспериментальные, теории игр и др.). «Китай должен внимательно изучать и заимствовать опыт западной экономической науки, но совершенно недопустимо бездумно ее копировать и тем более рассматривать ее как единственную научную теорию» (Там же: 19) по нескольким причинам: она содержит сильный идеологический компонент; не существует единой экономической теории (только в неолиберализме несколько школ) или «универсальной научной правды»; «полезные и идеологические элементы западной экономической науки не разграничиваются, а зачастую и вовсе смешиваются»; в ней не даны ответы на важнейшие вопросы — как выстроить отношения правительства и рынка и как определить экономическую эффективность (каково правильное соотношение объективной трактовки макро/микроэффективности и моральных суждений). Западный экономический мейнстрим автор упрекает в догматизме (необоснованных претензиях на универсальность, под которыми скрывается стремление к стандартизации и игнорирование опыта развивающихся стран) и требует избавиться от него ради «теоретического самосознания и самоуверенности».

Чжан Юй полагает, что развитость капиталистической экономики заставляет людей верить в ее эталонность, априорность и надисторичность, что неверно уже хотя бы потому, что эта модель неприменима к нерыночным системам. В то же время он не претендует на то, чтобы опыт Китая применялся к другим странам, уважая специфичность и единичность, не укладывающиеся в рамки политэкономического мейнстрима. Китай предложил особое решение общих проблем многих стран, особенно развивающихся, выдвинув теорию социалистической рыночной экономики, т. е. речь идет, согласно Си Цзиньпину, о «развитии специфичности до универсальности» — практический опыт Китая предлагает множество способов решения национальных и глобальных проблем (например, «сильное вмешательство государства — необходимый фактор модернизации в развивающихся странах» — Там же: 58).

В становлении китайской экономической модели (и «китаизированного марксизма») Чжан Юй выделяет три основных этапа после 1950-х годов, когда Мао Цзэдун провозгласил «второе сочетание» марксизма-ленинизма с китайской действительностью и собственный путь китайского социализма: 1) «разрушительные» 1980-е — сравнительный анализ моделей социалистической экономики (СССР, стран Восточной Европы и др.); 2) «созидательные» 1990-е — сопоставление радикальных (советских) и постепенных (китайских) реформ в рамках теории пе-

реходной экономики, т. е. «транзита» от социалистической плановой экономики к западной капиталистической рыночной; 3) начало XXI века, или этап «совершенствования и доработки», — в 2003 году на пленуме ЦК КПК был задан курс на систему социалистической рыночной экономики с доминирующей общественной собственностью и внешне открытой, в 2013 году пленум принял программу всестороннего углубления реформ — совершенствования социалистического строя с китайской спецификой, модернизации государственного управления и формирования научно обоснованной и эффективной институциональной системы.

Автор считает 1990-е годы принципиально важными, потому что Китай отказался от «шоковой терапии» и выбрал «двухколейный переход» — когда старая система не разрушается, а становится основой для новой по принципу преемственности и совместимости, причем это касается и структуры собственности, и модели ценообразования, и внутриотраслевой перестройки экономики, и регионального развития. Несмотря на корректное противопоставление советской модели радикального разрушения прежней системы и китайской модели ее последовательного изменения, в книге встречаются и странные утверждения со ссылками на западных авторов. Например, что в 1990-е годы в Китае местная власть стала движущей силой экономического роста, помогая и поддерживая сильное центральное правительство, а в России «центральное правительство было очень ограничено во власти и бессильно перед местными органами» (Там же: 149), что не соответствует действительности.

Выбор разных моделей реформирования социалистической системы Чжан Юй объясняет начальными условиями: китайскому переходу способствовала отсталая традиционная структура экономики, для которой характерны устойчивые горизонтальные связи между районами и высокая степень автономии местных властей (непонятно, почему эти условия не сработали в России, учитывая приведенную выше авторскую характеристику ситуации в нашей стране в 1990-е годы). Более убедительны отсылки автора к таким изначальным китайским условиям, как невысокий уровень централизации экономики, поддержка зарубежных китайских экономических элит, отсутствие затяжного политико-экономического застоя и кризиса системы социального обеспечения (ее просто не было). Автор справедливо отмечает, что благоприятные начальные условия — дело относительное, важнее то, как эти условия используются (в книге критикуются «заслуги» М. С. Горбачева — провал постепенных реформ и реализация стратегии «большого взрыва»).

По мнению Чжан Юя, сегодня китайская экономическая модель сочетает следующие элементы: разные типы собственности при доминировании общественной (классический марксистский базис); многоструктурная рыночная система, подчиненная государству в лице КПК (органичное сочетание рыночного и государственного, прямого и непрямого регулирования, централизации и децентрализации); многоаспектная система расширения внешних связей с опорой на собственные силы (экономическая глобализация — стимул рационального распределения ресурсов и развития производительных сил всех стран, а не инстру-

мент расширения капиталистических отношений и неравенства до глобальных масштабов); взаимное стимулирование индустриализации нового типа и информатизации (системные инновации); постепенные и умеренные преобразования для устранения недостатков плановой системы и разумного сочетания социализма и рыночной экономики «сверху» и «снизу».

Автор не отрицает, что китайская модель несовершенна, поскольку не решила ряд важных проблем (экологические, безработица, коррупция, социальное расслоение и др.). Он отвергает критику рыночных реформ в Китае как неправильных со стороны «новых левых» и неолиберальную критику китайского варианта социализма как сдерживающего приватизацию, либерализацию и интернационализацию, настаивает, что китайскому обществу следует идти по пути не перестройки, а совершенствования выбранной модели социализма с китайской спецификой, на котором «китайская нация благодаря своему духу целеустремленности и смелой инновационной практике сделала большой шаг к построению демократической, богатой, могущественной и модернизированной социалистической державы» (Там же: 76).

Подобную успешность Чжан Юй объясняет преимуществами социалистической рыночной экономики по сравнению с капиталистической, вернее, отсутствием в первой ряда внутренних противоречий второй, обостряющихся по мере ее развития: антагонизма труда и капитала, относительной перенаселенности и безработицы, раскола на бедных и богатых, кризиса перепроизводства, стихийности, виртуализации (доминирования финансового капитала), экологических кризисов и перекосов международного рынка. Главным преимуществом социалистической рыночной экономики в книге названо сочетание экономической эффективности с социальной справедливостью (всеобщее благосостояние и всестороннее развитие) по принципу «погоня за прибылью и реализация социальных целей не противоречат друг другу» (Там же: 171). Здесь автор переходит к откровенной утопии, описывая идеальный итог нынешних экономических реформ: отсутствие классового антагонизма; удовлетворение потребностей всех членов общества; гармоничное развитие всех секторов экономики и видов собственности, преодолевающее «стихийность и отсталость рыночной экономики»; сочетание стихийных «народных» и государственных реформ; единство экономической и социалистической демократий в «защите народных интересов и обеспечении здорового развития социалистического строя» (Там же: 103) — вряд ли китайское общество может похвастаться реальным, а не декларативным достижением всего перечисленного.

В поисках способа согласовать спонтанный порядок и социальную рациональность Чжан Юй отводит главную роль государству, но обосновывает ее странным образом: «Процесс общественной эволюции — это не искусственно созданный результат, а следствие бессознательного (!) взаимодействия между людьми, достигнутое в ходе спонтанной эволюции. Что же касается социальных норм, то они сознательно планируются, устанавливаются и претворяются в жизнь государством и приравниваются к общественным благам» (Там же: 110). Автор делает «важное

умозаключение: в условиях социалистической рыночной экономики рынок играет решающую роль главным образом в микроэкономических сферах, в то время как правительство и партия в частности контролируют социальное развитие и макроэкономику» (Там же: 209). Он считает чрезмерное вмешательство государства в микроэкономику таким же препятствием на пути экономических реформ, как сохранение пережитков плановой экономики (хотя это государственное регулирование на макроуровне), незавершенность реформ, нехватку рыночных сил и недостатка всех (!) рыночных экономик (безработица, коррупция, поляризация и др.).

Нынешний этап экономического развития КНР Чжан Юй называет погружением в «новую нормальность» — переходом от «экономического чуда» в 10% среднегодового роста к умеренным 7% «постпромежуточного индустриального развития». Несмотря на сокращение возможностей роста после фазы быстрого экономического подъема, Китай обладает чертами, которые обеспечивают стране экономический рост, пусть и более умеренный, чем прежде: демографический фактор (огромная численность «трудолюбивого и высоко обучаемого населения»), пространственный фактор (обширная территория, природные ресурсы, региональные различия), высокий внутренний спрос и накопленные инвестиции. К сожалению, автор не отмечает, что у каждого из этих преимуществ есть обратная сторона, сдерживающая экономический рост, но признает, что «„новая нормальность“ таит перспективы и возможности, которые нужно в полной мере использовать, хладнокровно реагируя на все вызовы... чтобы Китай превратился из крупного государства в могущественную державу и двигался к светлому будущему» (Там же: 228).

Вторая работа — книга Линь Ифу «Демистификация китайской экономики» (2017), написанная по итогам десяти лет чтения лекций по экономике в Пекинском университете. В предисловии автор ставит те же задачи, что и Чжан Юй: за пределами Китая

научные круги, политики и общество в целом очень поверхностно понимают механизмы функционирования китайской экономики... отталкиваясь от уже существующих экономических теорий... их анализ и изучение сути проблемы нередко смешиваются с идеологическими и политическими предрассудками... Необходимо создавать новые теоретические конструкции с учетом китайской специфики и по результатам скрупулезного анализа стараться понятным языком донести до зарубежных исследователей суть экономических успехов, достигнутых в результате политики реформ и открытости (хотя она привела и к серьезному дисбалансу в обществе), обозначить существующие трудности, а также перспективы дальнейшего развития. Этими разработками должны заниматься именно китайские экономисты. (Линь Ифу, 2017: 4)

Кстати, Чжан Юй упоминает Линь Ифу — как представителя западной теории переходной экономики, который связывает медленное развитие Китая с приоритетной поддержкой тяжелой промышленности в рамках стратегии «догнать и перегнать», т. е. утверждает, что реформы запустили быстрое развитие страны

благодаря возрождению традиционного низкокзатратного, низкорискованного и приносящего быструю выгоду пути постепенных изменений за счет использования сравнительных ресурсных преимуществ. Сам Линь Ифу разрабатывает модель развенчания мифов о китайской экономике, называя свою книгу импульсом к началу широкой дискуссии о направлениях дальнейшего экономического развития.

Он предлагает следующую историко-экономическую хронологию: до наступления Нового времени Китай — одна из самых развитых и могущественных стран (в 1820 году на его долю приходилась треть мирового ВВП); после европейских промышленных революций Китай начал «стагнировать и деградировать» и превратился в полуколонию (до 1979 года его доля в мировом ВВП составляла менее 5%, страна считалась одной из самых бедных); с конца 1970-х годов китайская экономика «демонстрирует настоящие чудеса» (средний прирост ВВП — 9,9%, Китай превратился в «страну победившего среднего класса» и потеснил Японию в рейтинге крупнейших экономик и Германию как главного экспортера потребительских товаров). Книга реконструирует социально-экономическое развитие Китая в рамках заданной хронологии и в поисках ответов на пять основных вопросов.

Первый вопрос: почему западные страны смогли экономически превзойти Китай, хотя он достиг пика развития до начала Нового времени? «Около двух тысячелетий назад экономики Европы и Китая находились примерно на одном уровне, но последовавшая вслед за распадом Римской империи эпоха феодализма нанесла экономике Европы серьезный удар, в то время как экономика Китая продолжала расти и оставалась крупнейшей... Вплоть до XVII–XVIII веков Китай обладал наиболее передовыми технологиями... Компас, бумага и порох являются примером технологических достижений Китая (а также уровень производства стали и железа), который шел тогда в авангарде всего развитого мира» (вряд ли это словосочетание можно применять к XVII–XVIII векам в том смысле, в каком мы используем его сегодня) (Там же: 3335). К факторам экономического роста Китая до Нового времени Линь Ифу относит динамичное развитие рынков земли, рабочей силы и товаров благодаря частной собственности на землю и ее свободной продаже, свободу перемещений и мобильность рабочей силы, развитые государственные и экономические институты. Причиной утраты Китаем экономических позиций и отставания от Европы он считает промышленные революции XVIII века, вернее, «проблему Джозефа Нидэма», который, собственно, и задался вопросом, почему, оказавшись на пороге промышленной революции значительно раньше Европы, Китай, в отличие от Европы, этот порог так и не перешагнул.

Линь Ифу рассматривает разные варианты решения «проблемы Нидэма»: (1) культурный детерминизм — якобы конфуцианская культура слишком традиционна и консервативна, поддерживает идеалы гармоничного общества и сосуществования человека с природой, а потому сдерживает развитие науки и демократии, что в принципе объясняет отставание китайцев от европейцев в Новое время, но не их могущество в предшествующий период; (2) гипотеза о соперни-

честве европейских государств (в противовес единству Китая) и защите патентных прав — первый фактор не объясняет прежнего могущества Китая, а второй переоценивает роль патентов в промышленной революции; (3) теория ловушки равновесия — в Китае отсутствовал спрос на новые технологии по причине высокой плотности населения и отсутствия излишков/средств на внедрение новых технологий — очевидны ошибки во внутренней логике теории и ее несоответствие реалиям, в частности, волнообразному росту населения Китая; (4) доминирующее сегодня объяснение отставания Китая отсутствием европейского варианта промышленной революции.

Линь Ифу согласен с последним объяснением, но говорит не о европейской промышленной революции, а о разных траекториях исторического развития Европы и Китая. До Нового времени на Западе и на Востоке практический опыт (крестьян и ремесленников) играл ведущую роль в технологических изменениях (побочный продукт метода проб и ошибок), поэтому многочисленное население обеспечивало Китаю постоянное технологическое развитие; в XVIII веке в Европе промышленная революция ускорила технологические изменения, потому что их основу составлял эксперимент, и численность населения перестала играть роль; кроме того, европейцы стали инвестировать большие средства в фундаментальную науку, что позволило добиться устойчивого социально-экономического роста. Таким образом, ответ Линь Ифу на первый вопрос таков:

Благодаря унификации и стандартизации критериев оценки (знаний и талантов) институциональная система китайского общества (в частности, система образования и отбора на госслужбу) была достаточно объективна... но развитие технологических инноваций в ней продолжало опираться на опыт. К тому времени, когда дальнейшее развитие начало требовать применения научного эксперимента, эта система стала препятствием на пути прогресса... В Китае не произошла научная революция, которая повлекла бы за собой промышленную... В условиях, когда технология не развивается, нет способов накапливать капитал, поэтому нет и возможности вступить в капиталистическое общество... И хотя ростки капитализма появились в Китае очень рано, им не суждено было взойти. (Там же: 76–77)

Второй вопрос: почему до политики реформ и открытости (провозглашенный на III Пленуме ЦК КПК в 1978 году курс на реформирование экономики и развитие внешней торговли) экономические успехи Китая были незначительны? Новый экономический курс помог стране достичь темпов роста в 9,9% ВВП и внешней торговли в 16,3%, стать одной из самых инвестиционно привлекательных стран, накопить крупнейшие золотовалютные резервы, обеспечить рост благосостояния населения и даже сыграть стабилизирующую роль в азиатском финансовом кризисе 1997 года и мировом экономическом кризисе 2008 года. Впрочем, столь убедительные успехи представлены в книге далеко не в бравурном формате: автор признает, что Китай потребляет слишком много ресурсов, ухудшая экологическую

обстановку; что в стране распространена коррупция, «серые» и «черные» схемы доходов, что усиливает общественное недовольство и снижает доверие к государству; что сохраняется серьезный разрыв между средними доходами на душу населения (между восточной, центральной и западной частями страны, между городом и деревней, богатыми и бедными), а реформы нередко перераспределяют блага в ущерб некоторым группам — это порождает социальную напряженность, сдерживаемую за счет регулируемых государством источников средств.

Реконструируя основные этапы в истории китайского общества, Линь Ифу показывает, что уже в последней четверти XIX века все политические силы страны признавали необходимость кардинального слома социально-политической системы, но изменения запаздывали или носили частичный характер, поэтому Китай оставался отсталым. Только в 1920-е годы китайские интеллектуалы признали важность не только социальных и политических институтов иного типа, но и их идеологической составляющей, и «в 1921 году, после образования Коммунистической партии Китая, из „небольшой искры“ социалистического кружка разгорелось общественное движение, которое смогло сплотить всю страну» (Там же: 87). Распространение социалистических идей автор связывает с антизападными настроениями (поэтому столь легко была воспринята идея иных, чем западные, институтов и три принципа Сунь Ятсена — национализм, демократия и народное благосостояние на принципах коммунизма) и дружескими отношениями с СССР на фоне нарастания экономических проблем Запада в духе прогнозов К. Маркса. В Китае ленинская модель социализма, сработавшая в Советском Союзе, потерпела крах по причине иных исторических условий (например, в России промышленность была сосредоточена в городах, в Китае — в иностранных концессиях): «Нужно крайне осторожно использовать иностранный опыт — даже самые незначительные различия в условиях могут привести к противоположным результатам. Никакая теория не должна восприниматься как догма... И даже если теория была доказана на примере одной страны, она не обязательно окажется применима в другой» (Там же: 92).

Неудачи социалистической революции заставили китайское руководство искать новые пути реформирования, и на вооружение была взята стратегия «окружения города деревней» Мао Цзэдуна, согласно которой имущественное расслоение в деревне можно было преодолеть конфискацией земли у местных богачей и ее распределением между крестьянами. В 1947 году КПК выдвинула новую политическую программу — экспроприации земли у крупных землевладельцев в пользу беднейшего крестьянства, экспроприации монополистического капитала в пользу социалистического правительства и защиты национального капитала, что привело к победе КПК и созданию социалистического правительства. Вывод Линь Ифу по данному периоду в истории Китая слишком позитивно-отстраненный: «Есть китайская пословица: „Ученый не организует мятеж и за три года“. Однако чтобы КПК выросла из небольшого кружка интеллектуалов в объединившую всю страну партию, понадобилось всего 28 лет, с 1921 по 1949 год. Всего лишь одно поколение!

Для Китая это — настоящее чудо» (Там же: 95). Бесспорно, но автор не упоминает, в какую цену обошлось китайскому обществу это «чудо» (см., напр.: Юй Хуа, 2016).

После образования КНР началось активное социалистическое строительство с курсом на индустриализацию (прежде всего развитие тяжелой промышленности) в кратчайшие сроки и по советской модели плановой экономики (1949–1978). Она показала свою несостоятельность, что привело к распределению ресурсов с помощью административной системы (искажение цен, нормирование ресурсов, прямой контроль за распределением излишков и вмешательство государства в управление предприятиями), т. е. к исчезновению рыночной конкуренции. В селах плановая экономика основывалась на государственной монополии на закупки и сбыт, коллективизации, продовольственной самодостаточности регионов («мэр следит за корзиной с овощами, а губернатор — за мешком с рисом» [Линь Ифу: 113]) и разделении города и деревни с помощью системы регистрации домохозяйств *хукоу* (ограничение мобильности сельского населения, чтобы избежать безработицы в городах и не позволить сельским жителям использовать городские дотации и субсидии) — все это помогало максимально концентрировать излишки в городах для развития промышленности, но привело к столь разрушительным последствиям в селах, что кризис 1959–1961 годов (падение урожайности) вызвал массовый голод.

По мнению Линь Ифу, нельзя считать плановую экономику абсолютно неэффективной — с момента перехода на нее в 1953 году Китай смог решить ряд принципиальных вопросов: мобилизовал излишки, обеспечил накопление капитала и рост инвестиций в тяжелую промышленность, добился стабильных темпов роста промышленного производства, аналогичных развитым странам. Однако цена была высока: структурные дисбалансы — развитая тяжелая промышленность в отсталой аграрной стране, где более 70% рабочей силы было занято в сельском хозяйстве; ориентация производства на тяжелую промышленность, а не на потребности людей, т. е. незначительный рост потребления; увеличение разрыва в доходах и потреблении города и села. «К концу 1970-х годов треть населения жила за чертой бедности» (Там же: 139).

Оценивая факторы «восточноазиатского чуда» — бурного экономического роста Японии и «восточноазиатских тигров» (Сингапура, Гонконга, Тайваня и Южной Кореи), Линь Ифу приходит к выводу, что ни один из них неприменим к китайской ситуации: экономика Китая не имела ничего общего с японской системой (несмотря на схожесть культурологических и исторических особенностей); еще три гипотезы он считает однобокими даже для «восточноазиатских тигров», не говоря уже о китайском обществе, — рыночная экономика, основанная на частной собственности и конкурентном распределении ресурсов (нигде рыночная экономика не обошлась без государственного регулирования), активное правительственное вмешательство и искажение ценовых сигналов (но нерыночные механизмы применяют и социалистические страны), а также экспортная ориентация (скорее следствие экономического развития, а не его причина). «Нельзя сказать,

что какая-то из гипотез полностью правдива или ошибочна, но гипотеза, которая могла бы дать исчерпывающее объяснение успешного экономического развития, должна включать самые разные аспекты, а не ограничиваться только одним» (Там же: 148).

В качестве такой гипотезы о причинах «китайского экономического чуда» Линь Ифу предлагает теорию жизнеспособности и сравнительных преимуществ. Так, развитие тяжелой промышленности как стратегия догоняющего развития в Германии согласовывалась с ее сравнительными преимуществами (политика «железа и крови»), и государство использовало административные механизмы инвестирования в условиях низкой мобилизации капитала и рассредоточения средств в аграрном секторе. Аналогичным образом успешной стала промышленная политика Японии (приоритет автомобилестроения), тогда как в Китае и Индии развитие тяжелой промышленности и автомобилестроения противоречило их сравнительным преимуществам.

Критерием соответствия отрасли сравнительным преимуществам может служить необходимость государственной поддержки после того, как отрасль уже создана. Если предприятия по-прежнему требуют поддержки и субсидий, то они нежизнеспособны и, следовательно, не соответствуют сравнительным преимуществам... Развивающиеся страны должны использовать для сокращения издержек на технологическое развитие и ускорение темпов экономического роста преимущество отсталости (например, Китай импортировал из Японии и Германии передовые технологии производства мотоциклов, а когда они отказались от их изготовления, то стал крупнейшим в мире производителем мотоциклов)... Государственная экономическая политика должна руководствоваться не слепой погоней за темпами роста и бездумным копированием зарубежного опыта, а поддержанием открытого и конкурентного рынка, на котором не искажаются ценовые сигналы [хорошая рекомендация и для российского руководства. — *И.Т.*]. (Там же: 176–177)

Третий вопрос: почему серьезный рост, достигнутый в результате политики реформ и открытости, сопровождается колебаниями экономического цикла, трудностями реформирования государственного сектора, региональной дифференциацией, социальным неравенством и т. д.? Чтобы ответить на этот вопрос, Линь Ифу рассматривает конкретный пример — аграрную реформу, делая акцент на системе семейного подряда как спонтанном институциональном новшестве. Он убежден, что оптимальная модель реформирования — опора институциональных изменений «сверху» на стихийные процессы: так, внедренная «снизу» система семейной подрядной ответственности в деревне Сяоганцунь провинции Аньхой была поддержана правительством и распространена на всю страну. «Если в основе институциональных изменений нет стихийной основы, и они приводятся в движение только силами правительства и социальных элит, то единственный способ их проведения — административное давление. Если используются неправовые методы

и даже после создания структур они не согласуются с идеологией и системой ценностей, велика вероятность провала таких изменений» (Там же: 404).

Несмотря на эффективность системы семейного подряда, способствовавшей небывалому развитию сельского хозяйства, в сочетании с другими реформами она породила и серьезные проблемы: угрозы продовольственной безопасности — в ходе урбанизации и индустриализации объекты инфраструктуры и жилье занимали все больше сельскохозяйственных земель в условиях роста населения и уровня жизни, т. е. роста потребности в продовольствии; слишком медленный рост доходов крестьян, или три сельские проблемы — «бедность села (по сравнению с городом), тяготы крестьянства (продолжительность и напряженность труда снизились благодаря механизации и пр., но системы образования, здравоохранения и социального обеспечения остались отсталыми и/или стали непомерны до рогами) и угрозы для сельского хозяйства» (Там же: 213–214).

В городской промышленности к началу политики реформ и открытости оформились три основные проблемы: структурные дисбалансы — серьезный дефицит одних продуктов (легкой промышленности, энергоресурсов и сырья) на фоне перепроизводства других (тяжелая промышленность); проблемы координации (распределение ресурсов и транспортных перевозок); низкая мотивация работников и потому низкая эффективность государственных предприятий (уравнительный подход к гарантированной оплате труда). Государство пыталось решить эти проблемы до 1978 года, корректируя дисбалансы (центр перебрасывал средства только в проблемные отрасли и возвращал инвестиции обратно в тяжелую промышленность, как только намечалось улучшение ситуации), децентрализуя управленческие механизмы (передавая полномочия провинциям) и вводя политические стимулы трудового энтузиазма.

Эти меры имели объективные ограничения, поэтому проблемы не были устранены к 1978 году. Руководство страны придерживалось прежних стратегий, распределяя инвестиции между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью, чередуя децентрализацию с вмешательством в процессы инвестирования (в периоды инфляции) и вводя дифференцированную оплату труда. Все эти меры носили макроэкономический характер, постепенно компании получили в свое распоряжение часть прибыли, однако плановая экономика не позволяла ее использовать, поэтому возникла необходимость «внепланового снабжения и рыночных механизмов распределения ресурсов... реформы развивались от предоставления больших полномочий до появления прозрачных условий владения собственностью... и передачи части прав и прибыли государственным предприятиям» (Там же: 230). Впрочем, государство не получило ожидаемого увеличения прибыли, поскольку снизились его возможности контроля (фальсификации отчетности, сокрытие доходов и коррупция). Поэтому правительство с 1985 года начало внедрять контрактную систему на государственных предприятиях и разделило их на два типа: малые и средние подлежали приватизации, а в крупных вводился совет директоров и наблюдательный совет, что привело к сосуществова-

нию плановых и рыночных механизмов распределения ресурсов и ценообразования, чему способствовало расширение прав на ведение внешнеторговых операций (их получили регионы), сокращение директивного управления, восстановление государственных банков и создание небанковских финансовых учреждений (фондовых бирж, страховых компаний) под жестким контролем государства.

За тридцать лет постепенные реформы принесли заметные результаты: во-первых, существенно возросла эффективность государственных предприятий; ...во-вторых, доля государственных предприятий в промышленности быстро снижалась... Однако вместе с успехами необходимо признать и существование в городской экономике разных проблем. Во-первых, финансовый сектор оказался очень хрупким (высока доля невозвратных кредитов, на фондовых рынках существовали пузыри и спекуляции); ... во-вторых, 1980-е годы прошли под знаком коррупции; ...в-третьих, реформирование государственных предприятий так и не завершилось успехом... большая часть крупных предприятий... не может похвастаться значительными успехами и сохраняет зависимость от государственной поддержки (государство не может допустить их банкротств по политическим и социальным причинам). (Там же: 242–243)

Четвертый вопрос: какие сферы китайской экономики требуют реформирования ради сохранения тенденции роста? Линь Ифу признает, что по всем рассмотренным направлениям реформ накопились проблемы, и предлагает нерадикальные способы их решения. Например, для поддержки нежизнеспособных на рынке государственных предприятий, несущих стратегическое или социальное бремя, он предлагает отбирать управляющих на конкурентной основе и менять их заработную плату в зависимости от успешности работы. По его мнению, способствовать становлению конкурентного рынка и капиталистической экономики должна корректировка финансовой реформы: «Наиболее эффективным для Китая будет распределение мобилизованного капитала между средними и малыми предприятиями трудоемких отраслей, обладающих сравнительными преимуществами» (Там же: 275), через систему небольших региональных банков.

И, наконец, пятый вопрос: насколько реален рост китайской экономики и строительство социалистического сельского хозяйства и гармоничного общества? Линь Ифу приводит мнение ряда зарубежных ученых, что среднегодовые темпы экономического роста Китая в 7,8% — подлог, а реальные темпы роста после дефляции между 1998 и 2002 годами не превышают 2–3%. Он с этим категорически не согласен и аргументирует свою позицию различием механизмов западной и китайской дефляции: в Китае она была результатом не эффекта обогащения, а увеличения предложения в экономике избытка, поэтому темпы роста потребления и инвестиций не изменились. Чтобы избежать повторной дефляции и обострения сельских проблем, Китай начал строительство «новой социалистической деревни», что не только улучшило бытовые и производственные условия сельской

жизни, но и стимулировало спрос посредством создания «общества средней зажиточности».

Тем не менее неравномерное распределение доходов остается важнейшей социально-экономической проблемой Китая. В качестве механизма ее решения Линь Ифу отстаивает концепцию «единства справедливости и эффективности первичного распределения и справедливости перераспределения» (Там же: 315–316). Он предлагает создавать «хорошую рыночную систему» посредством углубления реформ, прежде всего в финансовой сфере (чтобы содействовать развитию средних и малых финансовых учреждений), увеличения налога на использование природных ресурсов и переложения его бремени с государственных предприятий на систему социального страхования и ликвидации монополий, а в отраслях, где это невозможно, — усиления контроля.

Линь Ифу убежден, что секрет поразительного экономического успеха Китая кроется в принципиальном отказе от

шоковой терапии, стремящейся преодолеть переход от плановой экономики к рыночной в один рывок, что неизбежно влечет банкротство множества предприятий, безработицу, экономическую и социальную катастрофу... и государство вынуждено оказывать поддержку нежизнеспособным предприятиям, что приводит только к шоку без терапии. В Китае же реализовали постепенный двухколейный подход... с одной стороны, был ослаблен контроль над распределением ресурсов, компании были допущены в обладающие сравнительными преимуществами отрасли, что привело к большей эффективности распределения ресурсов и создало дополнительные источники их прироста... С другой стороны, государство по-прежнему оказывало поддержку предприятиям из традиционных отраслей, чтобы не допустить их немедленное закрытие и банкротство. (Там же: 353)

Третья книга — **Рональда Коуза и Нина Вана «Как Китай стал капиталистическим»** (2016) — была опубликована на русском языке раньше двух других работ и потому, казалось бы, должна была рассматриваться первой, следуя временной последовательности публикаций. Однако она завершает обзор дискурсов о «китайском экономическом чуде» по двум причинам: во-первых, в книге Коуза и Вана нет историографической части, их повествование начинается с эпохи Мао Цзэдуна, т. е. хронологически сфокусировано на новейшей китайской истории (в заключительной главе авторы упоминают отдельные эпизоды из древней истории Китая — торговые отношения между отдаленными провинциями, хождение бумажных денег и процветающие рынки в эпоху династий Тан, Сун, Мин и Цин, но исключительно для подтверждения открытости китайской цивилизации внешнему миру и ее нечуждости капитализму); во-вторых, если две другие книги поддерживаются от однозначных оценок нынешнего состояния китайского общества в силу продолжения трансформационных процессов, то Коуз и Ван ставят Китаю окончательный диагноз (страна стала капиталистической) и объясняют читателю,

как это произошло в столь короткие по историческим меркам сроки и в столь не склонной к капиталистической модели развития стране.

Книга состоит из шести глав, в которых описаны идеология, стратегии и конкретные решения «сверху» и «снизу», определявшие социально-экономические реалии и политический режим Китая на протяжении XX столетия. Вряд ли имеет смысл воспроизводить содержание каждой главы, тем более что авторы начинают и завершают их все кратким изложением их сути, а также постоянно суммируют содержание всех предшествующих глав, поэтому реконструируем лишь ту историческую траекторию, которая, по убеждению авторов, привела страну к неизбежному капиталистическому настоящему, оставляя за рамками обзора политические дискуссии и трансформации КПК. Кстати, повествование завершается примерно на том же периоде, что и книга Линь Ифу, но его трактовка тех же статистических, исторических и политических фактов оказывается иной, чем их интерпретация Коузом и Ваном.

Их главное утверждение, противоположное основной идее Чжан Юя, состоит в том, что переход КНР от коммунистической системы к капитализму был обусловлен не продуманной программой экономических реформ китайского партийного руководства, а стихийной чередой событий, а потому быстрый и относительно безболезненный переход Китая к капитализму оказался полной неожиданностью (в соответствии с концепцией Ф. фон Хайека о «непреднамеренных последствиях человеческих действий» [Коуз, Ван, 2016: 11]). Эта неожиданность объясняется тем, какой страна была после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году: разгар «культурной революции», начатой десятилетием ранее после жестких политических кампаний; последствия массового голода, разразившегося в результате непродуманных революционных преобразований; утрата связи с культурными традициями и достижениями научно-технического прогресса; отсутствие стратегии развития; неудачные попытки перестроить социалистическое хозяйство при жизни «великого кормчего» и т. д.

По мнению Коуза и Вана, «стремление к миру и благоденствию измученного вековой смутой и военными конфликтами народа заставило Китай ступить на опасный путь. Как и многие другие страны, обретшие независимость после Второй мировой войны, Китай подпал под влияние социализма, идеи которого в ту пору витали в воздухе» (Там же: 16). Под этим влиянием КПК выстроила неоднозначные отношения с Советским Союзом, и в обмен на договор о дружбе, союзе и взаимной помощи (1950) Мао Цзэдун был вынужден «копировать опыт сталинизма, от влияния которого он пытался освободиться до конца жизни» (Там же: 18) (такая зависимость выглядит странно для якобы «своевольного и независимого политика»). За первые три года существования (1949–1952) КНР добилась экономического подъема, несмотря на неоднозначную аграрную реформу и классовую борьбу в деревне, однако «дальнейшему восстановлению экономики препятствовала коммунистическая доктрина (коллективизация, фатальные недостатки плановой экономики и т. д.)... Слепое следование иностранной теории (коммунизму)

превратило последнюю в окаменелую догму, которую китайское руководство принимало безоговорочно как панацею от всех бед» (Там же: 19).

В годы правления «великого кормчего» был реализован ряд мер, которые Коуз и Ван характеризуют как антипопулистские — игнорирующие интересы большинства и даже вредящие им. Централизованные заготовки сельхозпродукции для субсидирования индустриализации, ограничение мобильности сельского населения и быстро сменившая раздачу конфискованных у богатых помещиков земель коллективизация (земли крестьян отошли сначала сельским кооперативам, а потом коммунам) — все это снизило доходы крестьян и их уровень жизни; политические кампании за «чистоту рядов» (против «правых уклонистов» и «агентов капитализма» даже среди ветеранов Красной Армии и старых партийцев) и борьба за власть; ликвидация интеллигенции, дискредитация конфуцианского морального кодекса и традиционного социального порядка — «у китайцев не осталось практически ничего, чтобы противостоять давлению государства — ни внешних общественных факторов, ни внутренней моральной дисциплины» (Там же: 27).

Экономические реформы Мао Цзэдуна Коуз и Ван связывают с глубоким недоверием к централизованной власти и стремлением отойти от ортодоксальной/ сталинской модели социализма. Прежде всего это децентрализация системы управления, призванная перераспределить власть в пользу органов местного самоуправления, которые получили больше автономии в экономической, бюджетной, налоговой и кадровой политике и стали управлять большинством государственных предприятий, что должно было обеспечить «большой скачок вперед», но превратилось в «рукотворную трагедию». В отсутствие контроля, желая сохранить посты и не вызвать недовольства Пекина, местные администрации фабриковали отчетность, а средства массовой информации не допускали критических выступлений несогласных и замалчивали политически опасные сообщения о голоде, поэтому Китай продолжал наращивать экспорт зерна и выплавку стали в кустарных доменных печах в сельских районах даже тогда, когда миллионы крестьян умирали от голода. Причиной катастрофы была не децентрализация и «большой скачок вперед» как таковые, а их осуществление в условиях «антирыночной ментальности, строгого контроля над внутренней миграцией, монополии государства на средства массовой информации и радикального антиинтеллектуализма» (Там же: 36).

Ужасная катастрофа убедила китайское руководство, что централизованное управление и плановая экономика — «золотая дорога» к коммунизму, и это утопическое видение господствовало до 1966 года, когда Мао Цзэдун, обладавший «инстинктивной (!) нелюбовью к централизованному управлению и не способный мириться с возвращением к плановой экономике», начал «культурную революцию», чтобы устранить бюрократов, пекущихся только о своих интересах (гонениям подверглась и политическая элита), дать народу возможность участвовать в управлении страной и искоренить «четыре пережитка» — старое мышление, старую культуру (прежнюю систему образования, академическую науку за рам-

ками одобренных компартией трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Мао), старые обычаи и старые нравы (проводилась «тотальная декитаизация») (Там же: 38–39). В результате «хотя под руководством Мао Китаю удалось практически с нуля создать мощную промышленную базу, итоговые экономические показатели внушали уныние — нищая страна и едва работающая экономическая система... Под конец правления Мао Китай был страной с раздробленным обществом, фрагментированной экономикой, невнятной и сумбурной политикой» (Там же: 42).

После смерти Мао Цзэдуна началась ожесточенная борьба за власть, которая быстро закончилась объединением разнородных сил, что переключило страну с радикальной маоистской идеологии и классовой борьбы на модернизацию социализма как идеологически легитимного (был провозглашен примат экономики над идеологией и задача повысить уровень жизни) при сохранении культа Мао — как вождя политической элиты и всего китайского народа. Победа прагматизма привела к возрождению в 1976 году программы «четырёх модернизаций» (сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники) для избавления экономики от идеологических перекосов и классовой борьбы. Были разрешены частные земельные наделы, введены меры материальной заинтересованности, политическая стабильность признана необходимым условием экономического развития, как и децентрализации экономики и административного управления, провозглашен отказ от политики самоизоляции и самодостаточности в пользу открытости страны передовым технологиям под лозунгом «пусть иностранное служит Китаю». Однако руководство страны сосредоточилось на реформировании тяжелой промышленности, игнорировало проблему освоения новых технологий, переоценило будущие доходы от экспорта сырья и недооценило сложности привлечения средств на внешних рынках капитала, что породило проблемы с финансированием и заставило отказаться от стратегии «скачка вовне» уже в 1979 году.

Тем не менее, как только Китай перешел к политике открытости, стали расти объемы внешней торговли и инвестиций, в страну хлынул поток потребительских товаров. Однако руководство страны было заинтересовано в увеличении экспорта за счет своих сравнительных преимуществ — самостоятельного производства на основе импорта/заимствования технологий. В конце 1970-х годов

китайские лидеры даже не задумывались о рыночной экономике, однако были готовы принять новые, обеспечивающие «рост производительных сил» идеи и методы, подвергая их «проверке практикой» и продолжая «восхвалять Мао, называя его великим марксистом и призывая китайский народ еще теснее сплотиться под знаменем идей Мао Цзэдуна»... Новое правительство правильно рассчитало маневр: воздав хвалу Мао, оно в то же время отказалось от его радикальной политики и переключилось на развитие экономики. А напомнив китайцам, что Мао призывал «искать правду в фактах» и видел в «практике критерий истины», оно освободило себя от оков идеологии... Правительство стало исповедовать прагматический подход, подвергая свои решения проверке практикой и охотно пробуя всевозможные способы подстегнуть «рост производительных сил». (Там же: 67–69)

Зарубежные командировки китайских лидеров убедили их, что главное условие экономической успешности — не децентрализация власти, а самостоятельность госпредприятий, поэтому главным направлением реформы стало расширение самостоятельности крупных госпредприятий, которые погрязли в бюрократизме, были нерентабельны и выживали только за счет господдержки. Проведенные в начале 1980-х годов реформы повысили эффективность госпредприятий — увеличили объемы производства, повысили доходы рабочих, ввели систему контрактов на основе компетенций руководителей, покончили с монополией централизованного планирования (выполнив план, предприятия могли сами решать, что производить). В итоге была создана «двухрельсовая система» — в госсекторе сочетались централизованное плановое регулирование и рыночные элементы, сосуществовали «стагнирующий госсектор и быстрорастущий негосударственный сектор» (Там же: 109). Состояние экономики не улучшилось, а поскольку предприятия стали удерживать часть прибыли для инвестирования и выплаты компенсаций сотрудникам, налоговые поступления в госбюджет сократились, поэтому реформы были приостановлены.

В то же время на периферии экономики, слабо контролируемой государством, намелись важные сдвиги, инициированные «снизу», — «произошла серия периферийных революций, в результате которых частные предприятия вновь заняли достойное место в экономике, а страна встала на путь рыночных преобразований» (Там же: 77). Во-первых, в сельском хозяйстве аграрная реформа — деколлективизация и введение системы производственной ответственности крестьянских хозяйств — шла «снизу», фермерство долго скрывалось под разными масками, и только в 1980 году индивидуальное предпринимательство на селе было разрешено там, где коллективизация провалилась (в беднейших районах). Но вскоре прагматизм возобладал — фермерство (не унифицированная практика, а множество разнообразных неколлективных форм хозяйствования) было признано основой аграрной политики — с 1982 года «крестьянский двор превратился в единственного субъекта сельского хозяйства, а колхозы... сохранились лишь в нескольких районах» (Там же: 83).

Вторая периферийная революция — сельская индустриализация, начавшаяся благодаря волостным и поселковым предприятиям, которые обеспечили работой не занятых в сельском хозяйстве крестьян и сыграли решающую роль в переходе к рынку и развитию негосударственного сектора, несмотря на враждебное отношение властей и дискриминационные меры (ограничение доступа к сырью, электроэнергии, кредитам и потребительским рынкам). Государственными эти предприятия были номинально (практически не подчинялись госплану и бюрократическому контролю из центра) и даже до приватизации 1990-х годов были частными, особенно в бедных расположенных вдали от моря провинциях, поэтому регулировали производство в зависимости от рыночной конъюнктуры и оказались успешнее крупных госпредприятий, страдавших от массы бюрократических препон.

Третья периферийная революция состояла в том, что в городах с 1979 года были разрешены «индивидуальные хозяйства» — как «дополнение и добавление к социализму», призванное искоренить безработицу (до 1992 года подвергались неофициальной дискриминации и ограничениям).

Становление «индивидуальных хозяйств» покончило с монополией коллективной собственности в городах... Китайское правительство по-прежнему верило, что основой социализма является государственный сектор, и не хотело признавать частный. Но угроза массовой безработицы и общественных беспорядков заставила его пойти на уступки. В результате был найден компромисс: политика «трех нет» — ни содействия, ни публичного освещения, ни запрета — действовала в течение 1980-х — начала 1990-х годов. (Там же: 95)

Наиболее значимой периферийной революцией, положившей начало рыночным преобразованиям, Коуз и Ван считают создание особых экономических зон — первоначально в Шэньчжэне («китайский ответ Гонконгу»), а затем во множестве прибрежных городов. Эти зоны должны были «поставить капитализм на службу социализму» и стать «лабораториями для экспериментов с капиталистическими принципами во благо социализма» (Там же: 101). Постепенно в таком формате для прямых иностранных инвестиций были открыты практически все провинциальные столицы, а за тридцать лет реформ особые экономические зоны проникли с периферии вглубь страны.

Таким образом, «четыре периферийные революции, произошедшие на обочине выстроенной Мао социалистической экономики, породили динамично развивающийся частный сектор... В ускорении темпов экономического роста и переходе на рыночные рельсы периферийные революции сыграли более существенную роль, чем усилия, направленные государством на совершение „скачка вовне“ или на реформирование госпредприятий» (Там же: 105). С одной стороны, «государство сохраняло ядро социалистической экономики, не приватизируя госпредприятия, а всячески укрепляя их; с другой, не препятствовало периферийным революциям, поскольку они позволяли решать неотложные проблемы, не угрожая социализму, — все это сформировало в стране смешанную экономику в ситуации, когда большинство китайских лидеров не имели четкого представления о путях развития страны и положились на „практику в качестве критерия истины“... Сдвиг в сторону прагматизма ознаменовал прощание с идеями Мао», и Третий пленум ЦК КПК в 1984 году «в качестве главной цели преобразований назвал создание „плановой товарной экономики“... закрепил завоевания периферийных революций... и официально признал законность частного сектора» (Там же: 107).

В 1987 году Чжао Цзяян, генеральный секретарь ЦК КПК, официально провозгласил курс на строительство «социализма с китайской спецификой», предложенный Дэн Сяопином еще в 1982 году, и объявил введение рыночных механизмов в централизованное планирование, но лишь после того как, столкнувшись в на-

чале 1980-х годов с быстрым ростом рыночных отношений и частного сектора, китайское руководство пыталось сдержать их, считая угрозой экономическим основам социализма (например, городским предпринимателям предъявляли обвинения в совершении экономических преступлений). Правительство признало, что главную проблему для китайской экономики представляет не негосударственный сектор, а госпредприятия, нерентабельные и неэффективные по причине отсутствия нормальной системы ценообразования. Централизованное планирование было ослаблено введением двух планов: директивный спускался сверху для обязательного исполнения, рекомендательный расширил экономические свободы госпредприятий и сделал их восприимчивее к воздействию рыночных сил без изменения структуры собственности. Были приняты меры господдержки волостных, поселковых и частных предприятий, основанных крестьянскими дворами.

На Третьем пленуме ЦК КПК в 1984 году социалистическая плановая экономика была определена как товарная, основанная на общественной собственности и содержащая элементы государственного планирования, и новое понимание социализма сделало возможными реформу ценообразования в сельском хозяйстве и промышленности, слияние предприятий в разных регионах и с разным руководством, развитие горизонтальной экономической интеграции (создание акционерных предприятий). Серьезной ошибкой китайского правительства на этом этапе Коуз и Ван считают действия в банковском секторе: несмотря на его монополизацию, в условиях «инвестиционного голода» правительство продолжало решать за банки, куда и сколько инвестировать, поддерживая госпредприятия и промышленное производство. В результате в 1988 году ускорилась инфляция, пиком кризиса стали студенческие волнения 1989 года и их трагический исход, поэтому правительство приостановило реформы, приняло программу жесткой экономии и на четыре года ввело экономику в период «корректировки и реорганизации», подкрепив изменение экономической политики широкомасштабными кампаниями против рыночных реформ. Авторы постоянно уточняют, что

главным врагом реформ была приверженность Китая социалистическим идеям... Социализм постепенно превратился из инструмента политики во всепоглощающую цель, во имя которой можно было принести в жертву китайский народ. Под предлогом защиты и распространения социализма народ стал пешкой в политической игре... Получилось, что социализм, призванный провести китайский народ «золотой дорогой» к миру и процветанию, стал служить оправданием хаоса и нищеты. (Там же: 150, 152)

Тем не менее Коуз и Ван признают, что в конце 1980-х годов политическая жизнь Китая была организована более разумно, чем в эпоху Мао Цзэдуна, благодаря двум институциональным изменениям: активному участию ученых в политической жизни, что помогло избежать прямой конфронтации партийных фракций; и перестройке правовой системы постмаоистским правительством, что деполитизировало экономическую деятельность и ограничило центральное руководство

принципом верховенства закона (гарантия защиты местных властей от безрассудных решений «сверху» и властей всех уровней — от участия масс в политической жизни). Авторы справедливо отмечают, что этот принцип не всегда соблюдается в Китае, потому что «экономическая реформа не ослабила роль партии, не снизила ее значимость в политической жизни, напротив, партия стала неотъемлемой частью сложной институциональной структуры, лежащей в основе реформы» (Там же: 160).

В начале 1990-х годов неприятие рыночной реформы китайскими политиками усугубилось распадом советского блока и банкротством коммунистических стран — они были восприняты как свидетельство того, что рыночные реформы порождают экономические проблемы и усиливают политические риски. Однако к концу 1990-х годов Китай повсеместно превратился в рыночную экономику, чему, по мнению Коуза и Вана, способствовало два принципиальных обстоятельства. Во-первых, несмотря на антикапиталистический настрой, китайское руководство продолжало политику открытости внешнему миру, заимствуя новые знания и технологии. Во-вторых, принцип китайской народной поговорки «сначала сядь в автобус, а потом купи билет» позволил работать без правового регулирования и официального признания Шэньчжэньской фондовой бирже, открытой в 1988 году, и в 1991 году ее модель стала образцом для Шанхайской фондовой биржи. Иными словами, в соответствии со старинной китайской поговоркой «небо высоко, император далеко» относительная автономия местных властей помогла им тихо и успешно внедрять разные элементы рыночной экономики².

Призыв Дэна Сяопина продолжать реформы, переосмысляя марксизм в прагматическом духе конфуцианства, способствовал преодолению идеологической враждебности к частному сектору, повысил его привлекательность и помог его возрождению: если в 1980-е годы китайцы считали работу в частном секторе небезопасной и непрестижной, то в 1990-е годы все больше специалистов уходили из госсектора в частные компании. Руководство страны отменило политику строгой экономии для «строительства социализма с китайской спецификой»: был упразднен контроль над ценами, упрощена система налогообложения, пересмотрено распределение налогов, одобрен опыт приватизации и реформирования госпредприятий, апробированный в Чжучэне и Шанхае, и т. д. В 1997 году на Всекитайском съезде КПК «негосударственный сектор был признан „важной составляю-

2. У такой местной автономии были и негативные последствия, которые в книге не упоминаются. Сложившийся баланс централизации и децентрализации (ведущая роль центра, но исключительная роль местных властей в инициировании и апробации рыночных механизмов) действительно позволял местным чиновникам поощрять предпринимательство и частную инициативу, в том числе потому, что их успешность гарантировала местное развитие, а значит, кадровые перспективы и материальные выгоды чиновникам, однако нижестоящие уровни (уезды и «поселки») испытывали хронический дефицит ресурсов, который компенсировался за счет сверхобложения местных жителей и порождал массовые крестьянские выступления в 1990-е годы. Центральные власти их подавили и запретили ненормированные поборы даже на нужды развития, но противоречия интересов местных чиновников и крестьян разрешить в полной мере не удалось (Гордон, 2015: 11–12).

щей“ социалистической рыночной экономики... приватизацию перестали считать попыткой подорвать социализм» (Там же: 205). «Как только Пекин отказался от монополии на истину в экономической политике и позволил экспериментально определять курс экономического развития, региональная конкуренция набрала силу, и именно этот глубокий сдвиг в менталитете китайского руководства породил „капитализм с китайской спецификой“» (Там же: 226). Более того, Коуз и Ван убеждены, что «осваивая отрасль за отраслью, Китай стал демонстрационным выставочным залом для глобального капитализма» (Там же: 231).

Главная черта китайских экономических преобразований, которую авторы постоянно подчеркивают, — неожиданное превращение Китая в мощную экономику, основанную на рыночных силах и частном предпринимательстве, а не в социалистическую державу, основанную на государственной собственности и централизованном планировании, т. е., пытаясь модернизировать социализм, Китай создал капитализм в соответствии с поговоркой «посаженные цветы не зацвели, а дикорастущие ивы разрослись». Коуз и Ван считают, что подобный итог удивителен только для тех, кто ставит знак равенства между политической организацией (КПК) и политической идеологией (коммунизм): капитализм неприемлем для коммунизма, но КПК, признавая недостатки социализма, прагматично и успешно брала на вооружение экономически оправданные элементы капитализма. Безусловно, КПК осуществляла социалистическое реформирование, но по всей стране накапливались спонтанно возникшие движения и изменения («народная реформа»), которые в начале 1980-х годов запустили рыночные преобразования на социально-экономической периферии государственного внимания. Благодаря этому «политическая система осталась под контролем одной партии, но приобрела эластичность, восприимчивость и способность приспособливаться к экономическим изменениям» (Там же: 253) — либерализация экономики в таких условиях породила «авторитарный/государственный капитализм».

Коуз и Ван категорически отвергают государственническую интерпретацию экономических реформ в КНР (как проведенных «сверху»): китайское руководство неоднократно признавалось в поисках путей реформирования и не раз было застигнуто врасплох протестами и низовыми формами самоорганизации на рыночных основаниях, т. е. «превращение Китая в одну из крупнейших экономических держав мира не происходило по плану, начертанному всеведущим правительством» (Там же: 266). За прошедшие десятилетия роль государства и доля госсектора в экономике сократилась, а КПК отказалась от статуса «авангарда социалистической революции» и стала обосновывать свою легитимность эффективностью управления и повышением уровня жизни. Более того, авторы сомневаются, что политический режим Китая когда-либо в принципе был коммунистическим в классическом смысле слова. Мао Цзэдун с товарищами предпочитали китайскую классику (конфуцианство) произведениям Маркса и Ленина; КПК всегда была китайской в большей степени, чем коммунистической; исторически страна не была чужда свободной торговле и частному предпринимательству. Соответственно, «в

грядущие десятилетия капиталистический Китай обязательно останется китайским в той же мере, в какой им был Китай социалистический, несмотря на жестокое уничтожение национальных традиций в XX веке» (Там же: 303).

Хотя третья интерпретация «китайского экономического чуда» отличается от первых двух, выводы всех авторов созвучны в том, что развивающимся странам нужно заимствовать китайский опыт реформирования, подтверждающий универсальность капитализма: «Успехи динамичной, самобытной рыночной экономики в Китае стали убедительным аргументом в пользу того, что капитализм может укорениться и расцвести в откровенно незападном обществе... Покончив с монополией Запада на капитализм (!), Китай способствовал его глобализации и усилил мировой рыночный порядок (!) за счет расширения культурной среды и придания культурного разнообразия капиталистической системе» (Там же: 273). Коуз и Ван убеждены, что Китай принял не только рыночные институты, но и сопутствующие им морально-нравственные принципы, поэтому его руководство направит все силы на борьбу с растущим экономическим неравенством с помощью принципа справедливости в духе А. Смита, «интеллектуального прародителя капитализма»: «Когда люди верят, что справедливость соблюдена и для всех открыты равные возможности, даже наименее удачливые в большинстве своем уважают существующие социальные институты, несмотря на их недостатки, и смиряются со своим положением в обществе. Они упорно трудятся, чтобы создать своим детям лучшие условия, вместо того чтобы бросать вызов существующей социальной системе или свергать ее посредством революции» (Там же: 283).

Итак, *суммируем специфику трех объяснений «китайского экономического чуда»*. Первая книга — Чжан Юя — поражает претензией на научно-академический труд, хотя состоит из цитат политических деятелей и обосновывает работоспособность марксистской политэкономии ее китаизацией, причем текст начинается сразу с экономических реформ XX столетия без указания того, на каком историческом фундаменте они разрабатывались и претворялись в жизнь. У незнакомого с китайской академической литературой читателя книга может вызвать отторжение тем, что позитивное восприятие своей страны здесь обретает гиперболизированные формы, не характерные для российского научного дискурса. Так, автор сразу информирует, что с начала политики реформ в Китае «произошло „экономическое чудо“, редкое в истории человечества, и это внесло весомый вклад в развитие всего мира», и «практическая деятельность Китая, сложность и своеобразии китайского пути развития несравнимы с деятельностью и путями развития других стран»³ (Чжан Юя, 2017: 4).

Свою задачу, как и цель всего китайского научного сообщества, Чжан Юй видит в том, чтобы «создавать дискурс, развивать мышление и совершенствовать

3. С этим мог бы поспорить Померанц, убедительно показавший, что исторические пути Старого и Нового Света полны «экономических чудес», которые серьезно повлияли на человечество в перспективе не десятилетий, а столетий, и оценивать такие «чудеса» нужно посредством сравнения — стран и их отдельных регионов друг с другом и в глобальном контексте.

теорию, чтобы достигнуть теоретических результатов, соответствующих требованиям времени и народа (!), и внести еще больший вклад в развитие человечества» (Там же: 9). Речь идет именно о большем вкладе, потому что автор неоднократно подчеркивает: «За всю историю человечества китайская нация никогда не копировала чужие теории и тем более не должна делать этого сейчас: она должна создавать, созидать и вносить вклад в мировое развитие, а заимствование каких-либо теоретических и практических подходов, применяемых в других странах, неизбежно встретит препятствие в виде многогранной и насыщенной практики» (Там же: 26). Он постоянно уточняет, что бездумное копирование западных теорий и опыта может превратить китайских ученых и руководителей в «рабов ошибочных идей», которые утратят «идеологическую независимость и творческое мышление», что навредит «делу строительства социализма с китайской спецификой».

Примерно на середине книги читатель понимает, что вызывало у него странное чувство незавершенности текста — это не только недостаток сносок, но и отсутствие статистических данных, на основе которых автор делает серьезные выводы о прошлом и будущем китайского общества. Другой очевидной проблемой книги является то, что большая часть повествования состоит из перечислений — автор старательно суммирует проблемы, перспективы, компоненты, аспекты и пр., но эти списки не помогают читателю, потому что избыточны и потому что автор повторяет одни и те же вещи одними и теми же словами. Кроме того, тексту часто не хватает научной корректуры, и в нем встречаются непонятные термины без разъяснений (почему-то как синонимичные выступают понятия стандартизации, американизации и неоклассицизации применительно к экономической теории; что такое «либералистические подходы», «реформа маркетинга», «органический состав капитала», «игровая структура институциональной среды» и др.). Тем не менее для понимания того, как видит и описывает себя китайское общество (с помощью наукообразного дискурса), книга, несомненно, важна и интересна.

Вторая книга — Линь Ифу — смущает схожим с Чжан Юем чрезмерным оптимизмом, однако, в отличие от его политизированной восторженности, Линь Ифу просто уверен в неизбежных экономических успехах Китая (окончательном переходе от плановой экономики к рыночной) и его «скрытом достаточном потенциале», что отчасти объясняется несколько устаревшими данными: в своих прогнозах, что «к 2030 году или даже раньше Китай сможет вернуть статус крупнейшей мировой экономики, если сумеет сохранить текущие темпы экономического роста» (Линь Ифу, 2017: 9), он опирается на оценки Мирового банка, сделанные до 2011 года. В то же время он признает, что этот сценарий — не единственный (многие уверены, что китайская экономика может обрушиться в любой момент), и предлагает рассуждать в терминах не прогнозов, а детерминант экономического роста, отдавая приоритет технологиям (Китай выбрал путь освоения опыта развитых стран, используя свое «преимущество отсталости»), которые определяют возможности факторов производства, их размещение в отраслях и систему взаимодействия.

Линь Ифу не склонен к идеологически-политизированным оценкам и работает в рамках (макро-)экономического дискурса. Например, он признается, что сомневался в реальности среднегодового прироста ВВП в 7,2%, который был заявлен в 1978 году как цель политики реформ и открытости, т. е. его заинтересованность в развитии страны наталкивалась на неизбежные опасения ученого, смотрящего на ситуацию в целом и понимающего все ее риски. Соответственно, тональность двух книг различается даже в интерпретации одних и тех же политических решений: Чжан Юй воспроизводит их некритически-восторженно, а Линь Ифу пытается вписать в контекст традиционного китайского способа рассуждений. Например, он объясняет поставленные Дэн Сяопином в 1978 году, казалось бы, недостижимые цели роста ВВП древним китайским изречением «только взяв пример с лучших, достигнешь среднего; подражая же средним, достигнешь лишь малого». В книге Линь Ифу много примеров поэтичной метафоры («население вкусило сладость реформ»), которая используется обоснованно-прагматично, например, для подчеркивания недостаточности исторических свидетельств расцвета древних китайских городов («процветание подобно дыму») или необходимости продовольственного самообеспечения страны (импорт продовольствия равнозначен «передаче собственной пиалы с рисом в чужие руки»).

Воспринимать книгу Линь Ифу как серьезную исследовательскую работу мешает не метафоричность, а отсутствие ссылок на источники исторических и статистических данных, поразительно наивные предположения (например, что «когда численность населения достигает определенного значения, распределение в обществе талантов следует единым закономерностям — 1% должен приходиться на гениев, 1% — на полных глупцов, а 90% оказываются между этими полюсами, поэтому... бóльшая по численности страна имеет преимущество в сфере технологических инноваций» — Там же: 61) и странные утверждения, которые могли быть сняты научной редактурой (скажем, некорректно называть Макса Вебера «автором концепции культурного детерминизма»). Завершает свой труд Линь Ифу в тональности, которую можно было бы ожидать скорее от книги Чжан Юя:

Только китайские интеллектуалы, опираясь на собственные достижения в области научных исследований, могут направлять общественные веяния, а их просветительская деятельность должна способствовать появлению высококвалифицированных специалистов, понимающих китайские реалии и способных решать социальные, экономические, политические и культурные проблемы... чтобы Китай занял свое место среди прочих великих держав... Идеологические концепции и теории, которыми руководствуется Китай, внесут большой вклад в развитие, трансформацию и модернизацию и других развивающихся стран мира. (Там же: 358–359)

Третья книга — Коуза и Вана — уже в аннотации поражает утверждением, что Китай после смерти Мао Цзэдуна «из отсталой и замкнутой аграрной страны с тоталитарной диктатурой (!) стал одной из самых открытых и быстрорастущих ин-

дустриальных экономик мира» (Коуз, Ван, 2016: 4), хотя в тексте авторы называют «великого кормчего» не тоталитарным диктатором, а противоречивым, непредсказуемым, несговорчивым, подозрительным, самоуверенным и «неукротимым политическим Франкенштейном», а жизнь в эпоху Мао — «театром одного актера». В целом для книги характерна несколько избыточная оценочность, например: «В результате многолетней идеологической обработки, осуществлявшейся коммунистами, у китайского народа выработалось негативное представление о том, как работает капиталистическая система» (Там же: 11) — авторы противоречат сами себе, поскольку настаивают, что китайский капитализм зародился «снизу» — из частных инициатив народа, поддерживаемых и скрывааемых местными властями, — благодаря «творческим силам китайского народа и свойственному ему духу предпринимательства» (Там же: 300). Или постоянные характеристики китайского народа в докоммунистический период в утопическом формате — «высокий моральный дух, динамизм и бурлящая энергия», как бы подразумевающие, что китайское общество было «хорошим», но его развитие затормозил «плохой» социализм/коммунизм, быстро превративший «предприимчивых китайцев в безликие шестеренки социалистической машины» (Там же: 13).

Многие оценки Коуза и Вана противоречивы: например, быстрое восстановление и экономический рост КНР в первые ее годы они объясняют в том числе смешанной экономикой и опорой «на дисциплинированных сознательных чиновников», но тут же пишут, что этот рост и восстановление прекратились, потому что чиновники «попали в ловушку, поверив, что коммунизм — единственный способ даровать Китаю мир и процветание... превратились в заложников коммунистической идеологии» (Там же: 19) — это очень странное и быстрое перерождение «сознательных» управленцев. Или: авторы постоянно упоминают присущий китайскому обществу энтузиазм, дух предпринимательства и творческую энергию, которые были задавлены в период строительства социализма, но тогда непонятно, как «смирившиеся с бездеятельностью и впавшие в апатию» китайцы смогли «снизу» запустить столь мощные и масштабные элементы капитализма, что их вынуждено было признать и поддержать китайское руководство. Или: «Возможно, Китай был слабо вооружен для проведения рыночных реформ, но ментально он был к ним подготовлен» (Там же: 69) — непонятно, как «ментальная готовность» могла преодолеть объективную неготовность к рынку и тем более сформироваться в обществе, вся жизнь которого жестко идеологически регламентировалась.

Объяснение противоречивости книги обнаруживается в ее заключительной главе, где Коуз и Ван утверждают, что опыт Китая превратил капитализм в глобальный, универсальный и устойчивый экономический порядок, показав его способность укореняться в любых культурных условиях и политических системах и, в перспективе, вести общество к социальной справедливости и всеобщему благоденствию (хотя авторы признают серьезные проблемы китайского общества — возрастающее экономическое неравенство, неэффективную систему высшего

образования и др.⁴). Подобный вывод слишком утопичен и неоправданно романтизирует не только путь Китая к особому капитализму, но и нынешнее состояние китайского общества, которое далеко от той социально-экономической устойчивости, политической однородности, внутренней прозрачности и внешней открытости, в которые так хотят верить авторы книги и в чем настойчиво убеждают своих читателей.

Все три книги объединяет некоторое игнорирование серьезнейших проблем китайского общества: безусловно, авторов нельзя упрекнуть в их замалчивании, но ограничения, с которыми уже столкнулся Китай и которые явно нарастают, лишь вскользь упоминаются, но не становятся предметом столь же детального рассмотрения, как, скажем, сравнительные преимущества. Отчасти это связано с тем, что за тридцать лет страна действительно совершила промышленную революцию и превратилась в «мастерскую мира» (для первой промышленной революции и завоевания аналогичного статуса в прошлом Великобритании потребовалось два столетия). Столь феноменальные успехи в столь короткий период породили в китайском обществе «триумфаторские настроения» и победоносную риторику («дракон пробуждается», «китайское восхождение», «как будет идти Китай, будет идти весь мир» и т. п.) (см., напр.: Гордон, 2015: 5), а также, видимо, несколько утопично-идеалистические описания настоящего и будущего китайского общества во всех трех книгах.

О каких масштабных проблемах, порожденных феноменальными экономическими успехами, идет речь? Во-первых, о нарастающем социальном неравенстве, которое пришло на смену эгалитаризму эпохи Мао Цзэдуна и обусловлено опережающими темпами роста доходов имущих слоев по сравнению с доходами бедных. Причем неравенство имеет не только социально-экономический, но и регионально-территориальный характер — исследователи говорят о «двух Китаях»: сельском и городском, быстрорастущих городах приморского региона и застойной сельской периферии (Там же: 7). Во всех трех книгах, особенно в работах Линь Ифу и Рональда Коуза с Нином Ваном, массовая безработица и негативные последствия аграрной реформы упоминаются, но не как драматические итоги форсированного перехода на рыночные рельсы.

Вторая группа проблем — катастрофические экологические последствия экономического рывка по принципу «рост прежде всего».

4. Можно отметить схожесть китайского и российского подходов к реформированию высшего образования. Так, нынешний российский проект «5-100» созвучен двум проектам китайского правительства (1995 и 1998), «целью которых было создание нескольких университетов мирового класса и развитие важнейших академических дисциплин... Оценка и вознаграждение труда университетских преподавателей стали производиться на основе их публикаций. Преподаватель обычно получает привязанную к его ученому званию базовую зарплату и вознаграждение по итогам работы, которое в основном зависит от количества публикаций. В большинстве случаев зарплата невелика, и поэтому преподаватели, чтобы заработать на достойную жизнь, должны постоянно печатать свои работы. Неудивительно, что эта схема... превратила китайских преподавателей вузов в машины по производству публикаций» (Там же: 291). К сожалению, этот опыт не был принят во внимание российскими реформаторами.

В-третьих, факторы, бывшие сравнительными преимуществами и обусловившие «экономическое чудо», исчерпали свой потенциал или становятся тормозом дальнейшего развития (Там же: 16–19). В максимальной степени это касается природных ресурсов, в минимальной — демографических, но и они уже превращаются из сравнительного преимущества в нагрузку на всю социально-экономическую сферу. Китай стремительно демографически стареет, по возрастной структуре он вышел на уровень развитых стран, не располагая их уровнем национального благосостояния и социального обеспечения, и в промышленности приморских провинций уже ощущается нехватка неквалифицированной рабочей силы (мигранты забастовками добились повышения заработной платы, что привело к «концу дешевого Китая»). Кроме того, страна исчерпала технологический ресурс догоняющего развития, т. е. начала терять иностранные инвестиции, которые перенаправляются в страны с более дешевой рабочей силой, но при этом для перехода в статус «глобального фронта» Китаю не хватает высококвалифицированных кадров.

Список упомянутых в книгах проблем можно продолжить, но интереснее назвать проблемы, о которых авторы забыли (Там же: 21–29). Это возрастающая уязвимость финансовой системы вследствие избытка убыточных проектов (например, строительство скоростных железных дорог); коммерциализация отношений государства и общества — отказ от социальных гарантий в сфере образования, здравоохранения и социальной защиты даже в госсекторе, выстраивание отношений квазирыночного обмена лояльности на материальную выгоду (для подавления социального недовольства); подчиненность законности партийному руководству, поскольку монополия КПК ассоциируется с правопорядком и стабильностью всей системы — отсюда внесудебная практика и неформальные методы разрешения социальных конфликтов, подавление институтов гражданского общества, недопущение создания общественных объединений без официального контроля и одобрения госорганов и т. д. В результате «нынешняя экономическая ситуация и политический курс просто не гарантируют устойчивого развития» (Там же: 32), о чем не говорится ни в одном из рассмотренных изданий.

Таким образом, перед нами три дискурсивных репрезентации «китайского экономического чуда»:

- 1) *идеологически-политизированный сценарий строительства особого варианта социализма «сверху»* (Чжан Юй);
- 2) *экономически фундированный прогноз создания капиталистической экономики одновременно «сверху» и «снизу»* (Линь Ифу);
- 3) *констатация завершившегося перехода к капитализму, но не под контролем партийного руководства, а преимущественно вопреки его запретам и антикапиталистической риторике, поскольку бурное зарождение элементов капитализма «снизу» руководство страны либо игнорировало, либо подавляло, настаивая на системной поддержке даже нежизнеспособных, но идеологически верных столпов социалистического строя* (Коуз и Ван).

В отличие от Чжан Юя, Коуз и Ван все же признают, что их «рассказ о том, как Китай стал капиталистической страной, — далеко не последнее слово в ряду исследований, посвященных рыночным преобразованиям в КНР, и многое еще только предстоит узнать», а «многие из приведенных фактов оказались недостоверными, и по мере появления новых сведений некоторые детали придется пересматривать, однако в целом нарисованная картина ясна и едва ли подвергнется изменениям» (Коуз, Ван, 2016: 12), даже если отдельные ее детали придется заменить на совершенно иные. Линь Ифу, напротив, убежден в незавершенном и неокончательном характере своей репрезентации «китайского экономического чуда», поскольку «[любая политико-]экономическая теория подобна географической карте: сама по себе она не является реальным миром, но помогает представить окружающий мир и определить, что вы увидите, сделав следующий шаг. Карта характеризуется определенными уровнями абстракции и упрощения, но если в процессе ее составления игнорировать или упускать важные моменты, это приведет к ошибкам» (Линь Ифу, 2017: 349). К сожалению, мы часто забываем о сконструированности наших представлений и ведем себя так, будто наши модели — наборы реальных фактов, и тогда даже самые «благие намерения [реформирования] оборачиваются злом, и желаниям добиться быстрого экономического роста не суждено сбыться» (Там же: 350).

Несомненно, дать окончательный ответ на вопрос, что же мы наблюдаем сегодня в Китае — капитализм или социализм, а если один из них, то какого именно типа — невозможно (да и вряд ли столь уж необходимо). Интересен не столько факт отчетливой кристаллизации нескольких дискурсивных репрезентаций нынешних китайских социально-экономических реалий (с тем или иным идеологически-политизированным оттенком), сколько само вопрошание о том, что же Китай «построил», в контексте традиционных дискуссий о судьбах капитализма/социализма. С одной стороны, циклы подъемов и крахов разных экономических систем неоднократно рассматривались в литературе, причем именно с точки зрения того, как они обусловлены доминированием определенной идеологической модели. В качестве примера достаточно привести известную работу К. Поланьи «Великая трансформация», согласно которой фиаско философии либерализма — результат ее неспособности осмыслять перемены: вера в стихийное развитие заставила отвергнуть позицию здравого смысла, заменив ее примитивным утилитаризмом, убеждением в «самоисцеляющих свойствах» рынка и фанатичной готовностью принимать любые социальные последствия экономического прогресса, оценивая социальные изменения исключительно с экономической точки зрения (Поланьи, 2002: 45–52). Социализм здесь выступает как внутренне присущее индустриальной цивилизации стремление выйти за рамки саморегулирующегося рынка и разрушить основанную на нем «рыночную цивилизацию» (Там же: 243–277). В этом смысле три книги о «китайском экономическом чуде» продолжают традиционные для социальных и экономических наук дискуссии о «правильном» соотношении капитализма (рынка) и социализма (регулирувания).

С другой стороны, три дискурсивные репрезентации итогов «китайского экономического чуда» особенно интересны российскому читателю, который в конце 1990-х — начале 2000-х годов оказался в столь же противоречивом поле попыток ответить на вопрос, превратилось ли российское общество из социалистического в капиталистическое. Тогда российское общество оказалось в той же категориально-дискурсивной ловушке, что и китайское общество сегодня: бесспорным считалось наступление капиталистической эпохи, но поскольку российский вариант капитализма (как и его китайская версия сегодня) не укладывался в классические западные определения, а находится бесконечно в «переходном периоде» невозможно, то стали использоваться уточнения, какой именно капитализм сложился в России: «кооперативный капитализм, координируемый государством» (Лэйн, 2000), «архаический» (Давыдов, 1999), «периферийный» (Явлинский, 2003), «номенклатурный» (Szelenyi, Szelenyi, 1995), «клановый» или «олигархический» (Крыштановская, 2002), «государственный» (Родоман, 2001) и т. д. Причем отклонения от «правильной» версии «цивилизованного» капитализма нередко считались преимуществом, учитывая социально-экономические и социокультурные особенности страны и кризисное состояние «классического капитализма», в котором возобладала «предвзятая идеология рыночного фундаментализма» (Сорос, 1999: 16) и «стремление к деньгам перекрывает все другие общественные соображения» (Там же: 112), вследствие чего частные капиталы ведут себя совершенно бесконтрольно по отношению к интересам всего общества (Ставинский, 1997), а конкуренция как идеал рыночной экономики в отсутствии солидаризирующей этики формирует человека-эгоиста (Денхофф, 2001). Уже тогда высказывались те оценки соотношения капитализма и социализма, к которым сегодня апеллируют китайские исследователи и политики: «Как система хозяйства социализм проиграл соревнование с рыночной экономикой, но как утопия, как сумма стародавних идеалов человечества — социальная справедливость, свобода для угнетенных, солидарность, помощь слабым — он непреходящ» (Там же: 29).

Несмотря на схожие для российского и китайского обществ констатации, что в обоих случаях не случилось марш-броска из социализма в капитализм, принципиальные различия в описании ситуации в двух странах обусловлены и оценочным компонентом. В российском официальном и (около)научном дискурсах необходимость разрушения социалистической модели и приоритетность рыночных инструментов не ставилась под сомнение и обсуждались причины затянутости или неуспешности перехода к капитализму; китайский официальный и (около)научный дискурсы утверждают необходимость продуманного сочетания выгод капиталистического строя с достижениями социалистической модели. Безусловно, речь идет об очень условной типологии дискурсивных попыток втиснуть все многообразие форм социально-экономической и политической жизни в устойчивые и идеологически нагруженные клише, однако эта типология показывает, сколь вариативны результаты подобных попыток в ситуации, когда изменилась не только действительность, но и эвристический потенциал привычных «категорий». При-

ходится признавать, что капитализм и социализм — два «идеальных типа», дилемма которых просто неприменима к современным социальным системам в целом, поскольку они неизбежно и в разных пропорциях сочетают элементы обоих, независимо от того, как именно нам хочется называть подобные сложные комбинации.

В заданных контекстуально-категориальных рамках три книги, посвященные поискам правильного описания социально-экономических реалий современного китайского общества, будут интересны именно социологам, если мы вспомним, что «социология с самого начала была исторической дисциплиной в силу тех вопросов, которые задавали ее основатели. Для Маркса ключевые вопросы звучали так: что такое капитализм? ...Как он трансформирует то, как люди трудятся, воспроизводят себя (биологически и социально), приобретают знания и эксплуатируют природный мир? Какое воздействие эти изменения оказывают на отношения власти, господства и эксплуатации?» (Лахман, 2013: 16). Если добавить в каждый из этих вопросов уточнение «в Китае», то мы получим краткое изложение сути всех трех книг. Во-первых, согласно Р. Лахману, задача социолога — анализировать исторические изменения, чтобы понять «как истоки современного мира, так и объем и последствия текущих трансформаций» (Там же: 20), и Китай — прекрасный объект для изучения того и другого. Во-вторых, позиции классиков и современников расходятся и по причине разных определений капитализма, что влечет различия в трактовке его истоков, изменений и кульминаций, — это мы и наблюдаем, когда разные версии капитализма пытаются примерить к тем или иным особенностям «китайского экономического чуда», но «понятия как таковые являются не более или менее истинными, но более или менее пригодными для генерирования фальсифицируемых объяснений заинтересовавших нас феноменов» (Там же: 65). И, наконец, Китай — прекрасный «кейс» для анализа «структурных и контингентных изменений», поскольку «задача исторических социологов состоит в выявлении подходящих случаев и подборе того способа анализа, который лучше других позволит им опереться на прошлый вклад ученых в продолжающуюся полемику и критически отнестись к нему или начать изучение новых проблем» (Там же: 59).

Литература

- Гордон А. В. (2015). Китай: растущие проблемы. М.: ИНИОН РАН.
- Давыдов Ю. Н. (1999). Куда пришла Россия: два типа капитализма // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 2. № 1. С. 90–102.
- Денхофф М. (2001). Границы свободы: капитализм должен стать цивилизованным / Пер. с нем. В. А. Фоменко. М.: Международные отношения.
- Коуз Р., Нин Ван (2016). Как Китай стал капиталистическим / Пер. с англ. А. Разинцевой. М.: Новое издательство.
- Крыштановская О. В. (2002). Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002 // Социологические исследования. № 8. С. 17–49.
- Ли Июнь (2018). Добрее одиночества / Пер. с англ. Л. Мотылева. М.: АСТ.

- Линь Ифу* (2017). Демистификация китайской экономики / Пер. с кит. Л. А. Ивлева. М.: Шанс.
- Лэйн Д.* (2000). Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством // Мир России. Т. 9. № 1. С. 3–22.
- Макклоски Д.* (2018). Риторика экономической науки / Пер. с англ. О. Якименко под ред. Д. Раскова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Поланьи К.* (2002). Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова, А. П. Шурбелева под ред. С. Е. Федорова. СПб.: Алетейя.
- Померанц К.* (2017). Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики / Пер. с англ. А. М. Матвеевко под науч. ред. А. Ю. Володина. М.: Дело.
- Родоман Б.* (2001). Идеальный капитализм и российская реальность // Неприкосновенный запас. № 3. С. 22–29.
- Сорос Дж.* (1999). Кризис мирового капитализма (открытое общество в опасности) / Пер. с англ. С. К. Умрихиной, М. З. Штернгарца. М.: Инфра-М.
- Ставинский И.* (1997). Капитализм сегодня и капитализм завтра. М.: УРСС.
- Чжан Юй* (2017). Опыт китайских экономических реформ и их теоретическая значимость / Пер. с кит. В. А. Ефановой. М.: Шанс.
- Юй Хуа* (2016). Как Сюй Саньгуань кровь продавал. М.: Текст.
- Явлинский Г.* (2003). Периферийный капитализм: лекции об экономической системе России на рубеже XX–XXI веков. М.: Интеграл-Информ.
- Maddison A.* (2001). *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD Development Centre Studies.
- Needham J.* (1981). *Science in Traditional China: A Comparative Perspective*. Cambridge: Harvard University Press.
- Szelenyi I., Szelenyi S.* (1995). Circulation or Reproduction of Elites during the Post-communist Transformation of Eastern Europe: Introduction // *Theory and Society*. Vol. 24. № 5. P. 615–638.

Discursive Representations of the (Capitalist) Results of the “Chinese Economic Miracle”

Irina Trotsuk

Doctor of Sociological Sciences, Leading Research Fellow, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Professor, Sociology Chair, RUDN University
Address: Vernadskogo Prospect, 82, Moscow, Russian Federation 119571
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

It is unlikely that any other state attracts more attention of the world community than China; there are endless debates about its geopolitical status, social-economic potential, demographic challenges, environmental threats, political structure, etc. However, scientific and popular-science discourses focus rather on finding an answer to the question of what type of social system China has in terms of the classical dilemma of “capitalism vs socialism”, and there are no universal nominations for either the historical past or present. The article aims at identifying the key discursive representations of the “Chinese economic miracle” by reconstructing them from three books recently translated into Russian: Zhang Yu’s *China’s Economic Reform: Experience and Implications*, Yifu Lin’s *Demystifying the Chinese Economy*, and *How China Became Capitalist*, written by Ronald Coase and Ning Wang. The article summarizes the main arguments of the three books. Although their interpretations of the “Chinese economic miracle” differ, including the degree of the politicized enthusiasm and optimism, they agree that developing countries should follow the Chinese path of reforms and ignore a number of this path’s serious problems. The article concludes that the books represent three discourses: an ideological-politicized scenario of developing a special type of socialism “from above”, a description of the capitalist economy developed from both “above” and “below”, and a statement of the completed transition to capitalism not under the party leadership control but mainly “from below” and, despite prohibitions and anti-capitalist rhetoric, “from above”. Such discursive contradictions are especially interesting for the Russian reader who remembers disputes about the type of “Russian capitalism” in the 1990s–2000s, and for the sociologist of the “classical type”, i.e., one studying historical changes to understand current social transformations.

Keywords: China, Chinese economic miracle, capitalism, socialism, development model, discourse, discursive representation, narratives

References

- Coase R., Ning Wang (2016) *Kak Kitay stal kapitalisticheskim* [How China Became Capitalist], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Davydov Y. (1999) Kuda prishla Rossiya: dva tipa kapitalizma [Where Russia has Come to: Two Types of Capitalism]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 1, no 1, pp. 90–102.
- Dönhoff M. (2001) *Granitsy svobody: kapitalizm dolzhen stat tsivilizovannym* [Frontiers of Freedom: Capitalism Must Become Civilized], Moscow: International Relations.
- Gordon A. (2015) *Kitay: rastushchiye problemy* [China: Growing Problems], Moscow: INION RAN.
- Kryshchanovskaya O. (2002) Transformatsiya biznes-elity Rossii: 1998–2002 [Transformation of the Russian Business Elite: 1998–2002]. *Sociological Studies*, no 8, pp. 17–49.
- Lane D. (2000) Preobrazovanie gosudarstvennogo sotsializma v Rossii: ot “khaoticheskoy” ekonomiki k kooperativnomu kapitalizmu, koordiniruemomu gosudarstvom [The Transformation of State Socialism in Russia: From “Chaotic” Economy to State-Led Cooperative Capitalism]. *Universe of Russia*, vol. 9, no 1, pp. 322.
- Lin Yifu (2017) *Demistifikatsiya kitayskoy ekonomiki* [Demystifying the Chinese Economy], Moscow: Chance.
- Maddison A. (2001) *The World Economy: A Millennial Perspective*, Paris: OECD Development Centre Studies.
- McCloskey D. (2018) *Ritorika ekonomicheskoy nauki* [The Rhetoric of Economics], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Needham J. (1981) *Science in Traditional China: A Comparative Perspective*, Cambridge: Harvard University Press.
- Polanyi K. (2002) *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time], Saint Petersburg: Aleteia.
- Pomeranz K. (2017) *Velikoe raskhozhdenie: Kitay, Evropa i sozdanie sovremennoy mirovoy ekonomiki* [The Great Divergence. China, Europe, and the Making of the Modern World Economy], Moscow: Delo.
- Rodoman B. (2001) Idealny kapitalizm i rossiyskaya realnost [Ideal Capitalism and Russian Reality]. *Neprikosnovenny zapas*, no 3, pp. 22–29.

- Soros G. (1999) *Krizis mirovogo kapitalizma (otkrytoe obshchestvo v opasnosti)* [Crisis of Global Capitalism: Open Society Endangered], Moscow: Infra-M.
- Stavinsky I. (1997) *Kapitalizm segodnya i kapitalizm zavtra* [Capitalism Today and Capitalism Tomorrow], Moscow: URSS.
- Szelenyi I., Szelenyi S. (1995) Circulation or Reproduction of Elites during the Post-communist Transformation of Eastern Europe: Introduction. *Theory and Society*, vol. 24, no 5, pp. 615–638.
- Yavlinsky G. (2003) *Periferiyny kapitalizm: leksii ob ekonomicheskoy sisteme Rossii na rubezhe XX-XXI vekov* [Peripheral Capitalism: Lectures on the Russian Economic System at the Turn of the 21st Century], Moscow: Integral-Inform.
- Zhang Yu (2017) *Opyt kitayskikh ekonomicheskikh reform i ikh teoreticheskaya znachimost* [China's Economic Reform: Experience and Implications], Moscow: Chance.